

Архиепископ Марк о жизни, Церкви и пастырстве.

Беседа архиепископа Берлинско-Германского и Великобританского Марка (Арндта) со студентами Сретенской духовной семинарии.

В четверг, 24 марта 2011 года, состоялась встреча архиепископа Берлинско-Германского и Великобританского Марка (Арндта; Русская Православная Церковь за границей) со студентами Сретенской духовной семинарии, во время которой владыка ответил на вопросы учащихся.

– Владыка, расскажите, пожалуйста, немного о своей жизни и о том, как вы пришли к вере.

*Архиепископ Берлинско-Германский
и Великобританский Марк (Арндт)*

– Я родился в самый разгар Второй мировой войны – в сорок первом году. Воспитывался в семье, которой вера не была чужда. Мой дедушка был пастором. Одно время он занимал должность министра культуры, потом Гитлер выгнал его с работы. И дедушка обратился к пастырской деятельности. И мы с ним с самого раннего моего детства много говорили на духовные темы. Да и бабушка была, естественно, человеком верующим. А поскольку она плохо видела, мне приходилось в длинные зимние вечера читать ей книги, и книги, как правило, религиозной тематики, например по библейской археологии.

Прошли годы, я повзрослел и вынужден был покинуть Восточную Германию, так как был связан с участниками восстания 17 июня 1953 года. Оно было направлено против социалистического режима. Так я очутился в Западной Германии. И там, в силу обстоятельств, прежде всего потому, что я потерял все то, что мне было дорого, я на несколько лет отошел и от веры – не молился вообще. Это длилось с четырнадцати до восемнадцати лет.

Поступив в университет, уже на первом курсе я познакомился с русской эмигрантской молодежью, потому что хотел углубить, расширить свои знания русского языка, больше практиковаться. Так получилось, что я начал ходить с ними в храм: в субботу вечером, в воскресенье утром, на праздники... Ходил много лет, еще не будучи православным. И у меня, скажем так, возник порыв принять Православие, но я боялся реакции родственников и поэтому оттягивал этот момент. Но в двадцать лет я все-таки стал православным. А через двенадцать лет принял монашество.

Немало моему духовному развитию способствовало то, что я читал очень много произведений русской литературы, прежде всего Достоевского. Его творчество захватило меня во время моей военной службы. Надо признаться, что читать в армии я начал из-за гордыни, потому что не хотел утром мыться со всеми вместе: в умывальной всегда стоял такой шум, было так неприятно, а я очень чувствительный на звуки, и поэтому решил вставать на час раньше всех и посвящал это время не только умыванию, но и чтению. Удивительно, сколько можно за год прочесть и сколько можно почерпнуть из этого сил.

Потом, будучи преподавателем в университете, я одновременно учился заочно на богословском факультете в Белграде и использовал тот свой опыт для изучения еврейского языка. В дальнейшем, обучаясь в университете, я особенно заинтересовался древнерусской литературой. Без преувеличения могу сказать, что книгой, которая определила не только тематику моей докторской работы «Биографическая

литература Тверского княжества XIV и XV веков», но дальнейшую жизнь, связанную с христианством и монашеством, были творения Нила Сорского. И, конечно, не случайно, что для меня церковнославянский язык, может быть, даже более близок, чем современный русский.

По-церковнославянски написана вся духовная древнерусская литература. Этот язык богообщения наложил на меня, молодого ученого, самую благодатную печать и, безусловно, повлиял на мое духовное становление, на отношение к Церкви. Скажу еще раз: церковную жизнь я узнал намного раньше, чем стал православным.

– Менялось ли со временем ваше восприятие социалистического строя, Советского Союза?

– Поскольку я сам познакомился с социалистической, советской властью с самого детства в Восточной Германии, то у меня было совершенно отрицательное отношение ко всему советскому. Здесь надо сказать, что у многих немцев доходило до того, что, например, консерваторский преподаватель музыки не ходил на концерты Ойстраха, когда тот приезжал, потому что не мог разграничить русское и советское. Для нас в то время это было одно и то же. Этому разграничению я научился много позже.

Только со временем я стал воспринимать разницу между народом, его богатейшей культурой, глубокой духовностью и государственным строем, который пытался ее уничтожить. Понял я это на собственном примере. Когда мне было пятнадцать лет, я, работая на пароходе, прибыл в Швецию, и там группа молодежи обозвала нас фашистами. А мои родители очень пострадали от гитлеровцев, и я, разумеется, не мог принять это именование.

Так постепенно я стал отличать русское от советского, хотя это было не легко.

– Можно ли назвать фашизм религией?

– Это не религия. Это была идеология – очень сильная, разрушительная, но примитивная. И она была уничтожена. Хотя, к несчастью, и сейчас находятся люди, которые мечтают о восстановлении фашистской системы, но это безумие.

– Вам довелось не раз побывать на Афоне. Поделитесь вашими впечатлениями от этих паломничеств.

– На Афон я впервые попал после того, как услышал интригующий, интересный рассказ от одного молодого человека – тогдашнего члена братства «Православное дело», которое охватывало все наши епархии, – от ныне покойного владыки Амвросия Женевского. И первое мое паломничество переросло в ежегодное, иногда даже двукратное посещение Афона, где я регулярно исповедовался, читал на клиросе, в общем, был активным участником русской монашеской жизни. Тогда там было два наших монастыря: ныне существующий Пантелеимонов монастырь, куда только начали принимать монахов из России, и Ильинский скит, в котором я бывал чаще. Он был связан с Зарубежной Церковью и не принимал никого из СССР. Впоследствии мы потеряли этот скит. По неразумию настоятеля. Скит стал греческим. И это для меня страшная рана, потому что я очень хотел туда поступить.

Так вот, когда я посещал Афон, то всегда делил свое время между тремя местами: Пантелеимоновым монастырем, Ильинским скитом и Карулией, где жили отшельники – двое русских (оба Серафимы) и один серб. Мы много общались друг с другом, поскольку сербский – мой второй славянский язык. Я получил немало духовных назиданий от этих отцов. Они наставляли меня в вопросах Иисусовой молитвы, которую я тогда творил более усердно, нежели теперь. К сожалению, внешние дела сильно отрывают от этого. Они жили на Афоне, на Карулии, с семнадцатого года и ни разу никуда не выезжали.

В Ильинском скиту настоятелем был архимандрит, который вообще с 1902 года не покидал монастырь. Так что это была

живая традиция, живое предание русского афонского монашества. И я благодарю Бога за то, что мне довелось познакомиться с этими старцами и прикоснуться к неисчерпаемому источнику русской духовной, церковной культуры. Для меня это бесценно.

В связи с моими афонскими паломничествами вспоминаются такие случаи.

Как-то я приехал на один приход, на праздник, и мне пришлось читать Евангелие. И после этого какая-то старушка сказала: «Наконец я услышала такое чтение Евангелия, как его читали наши отцы в Китае». Она явно говорила о старой русской традиции, и, слава Богу, поскольку я человек музыкальный, мне удалось ее перенять. И, прежде всего, потому, что я участвовал в монастырских богослужениях на Афоне.

Еще одна история. Я был знаком с насельником, который жил неподалеку от Ильинского скита, в лесу. Он был заражен ересью, которая распространялась на Афоне среди русских монахов в начале XX века, – имяславием. Вместе с тем он приходил каждое воскресенье в Ильинский скит. И однажды я пригласил его к трапезе: «Оставайтесь на обед после воскресной литургии». А он взял у нас большой мешок с картошкой. Я говорю: «Вы поедите – и вам легче будет нести этот мешок». Он говорит: «Нет, нет». И замялся. И мы его спросили по-простому: «А почему?» – «Тут слишком шумно». А нас всего-то было шесть человек. То есть шум весьма относительный. Но когда человек живет в пустыне, тогда шумно везде.

– Насколько изменилась жизнь Зарубежной Церкви после воссоединения?

– Изменилась, прежде всего, тем, что мы общаемся между собой. Да, на уровне личных контактов священно-служителей мы уже давно общаемся, но мы не могли вместе служить. Теперь это снято, и мы уже служим вместе в самых разных местах, можем помогать друг другу. Один священ-

ник едет в тюрьму или больницу, он может позвонить своему собрату и попросить подменить его, скажем, в приходской школе. Очень отрадно, что мы можем теперь участвовать в Архиерейских соборах. Не могу не сказать, что Зарубежная Церковь сейчас находится в евхаристическом общении со всеми Поместными Церквями, а раньше мы были отрезаны от них. Как видите, поменялось очень многое!

– Почему в Европе так мало православных монастырей?

– Потому что там живет мало православных людей. У нас есть монастыри, но они скудные. При этом интересно, что монастыри в Европе есть только у Русской Церкви: ни у Сербской, ни у Болгарской, ни у Румынской, ни у Греческой Церквей вне этих стран обителей нет. Во многом это объясняется тем, что их представители приезжают в другие страны на время, на заработки. Особенно греки. А если кто-то из них захочет поступить в монастырь, он делает это на своей родине.

В Германии есть один мужской монастырь. Он основан в 1945 году, когда наши иноки переселились сюда из Восточной Словакии. Это были почаевские монахи, которые после 1918 года попали туда, а потом, в сорок пятом, бежали от Красной армии в Мюнхен. Большею частью они впоследствии переехали в Америку, а у нас остался очень маленький монастырь. Есть и женская обитель, которую мы только недавно открыли. Раньше я отказывался от того, чтобы принимать женщин в монастырь. Посылал их на Святую Землю, а теперь я принял такую группу, и, слава Богу, они подвизаются.

– Вы часто бываете на Святой Земле, окормляете монахинь, подвизающихся там. Как бы вы охарактеризовали ситуацию, которая сложилась в настоящее время на Святой Земле?

– На Святой Земле наша жизнь всегда была трудной, потому

что мы находимся между всеми огнями. Вообще христианское население Палестины уменьшается постоянно. Наши монахини ведут там школу для арабских девочек – в ней когда-то учились только христианки. Но теперь их всего двадцать пять, остальные ученицы – мусульманки, которые, однако, ходят в форме с крестиком на груди. Это достижение наших монахинь.

Христиане всегда подвергаются опасности, в любом месте; выходить из монастыря опасно, даже находиться в нем опасно. Бывают такие случаи, когда мусульмане прыгают через стену, нападают на инокинь. Несколько лет назад все монахини вместе с игуменией собирали на Елеоне маслины, и в это время такая банда арабов перескочила через стену. Один пошел прямо на игумению с ножом. Игумения, слава Богу, свободно говорит по-арабски: «Ты знаешь, в твоём Коране написано, что ты не имеешь права поднять руку на женщину?» И хотя он был под наркотиками, но он это понял и ушел. Но какую надо иметь выдержку и веру!

Конечно, и власти со всех сторон нас тоже прижимают. Стараются все время отсечь кусок земли. Приходится строить стены за невероятные деньги. Сейчас с израильскими властями у нас более менее спокойные отношения, но надолго ли это? Однако мы обязаны выстоять, ведь в настоящий момент на Святой Земле по официальным данным двести пятьдесят тысяч православных русскоязычных. На самом деле их намного больше, вероятно вдвое больше. Но в наши храмы приезжают считанные единицы. В основном в субботу, так как это выходной день. Причем приходят с опаской: боятся, что их заметят. Да, ситуация сейчас легче, чем была, скажем, двадцать лет назад.

Тогда нас не защищал никто и нигде. Я своими глазами видел, как прямо в аэропорту в Тель-Авиве евреи оплевали священника и долго издевались над ним.

Сейчас к христианам относятся корректно. Но это, в основном, благодаря огромному притоку русскоязычных евреев,

которые вступают в смешанные браки. И мы сейчас пытаемся приобщить их к литургической жизни.

Подчеркну, что мы не имеем права заниматься никакой внешней деятельностью, кроме как внутри наших монастырей. Мы не можем выезжать в Беершеба, чтобы там служить, хотя мы знаем, что там есть православные верующие. Мы иногда ездим туда, чтобы просто с ними побеседовать, но служить там мы не можем. И поэтому мы приглашаем этих людей к себе. Я служил для них последний раз два месяца тому назад в субботу. Эти богослужения мы планируем сделать регулярными: они будут приезжать к нам издалека на автобусе, исповедоваться, причащаться. Но это очень кропотливая работа. Тем более что большая часть этих людей, выходцев из России, невоцерковленные, хотя и крещенные. Так что все очень непросто.

Но монашеская жизнь идет своим чередом, без серьезных перипетий, хотя у нас бывают трудности. Например, сложно находить священников, которые готовы там служить, потому что условия там, в том числе климатические, трудные. Летом – жара ужасная, зимой – холод. И никакие здания не отапливаются как следует. Поэтому везде, в церкви в Гефсимании например, почти как в холодильнике. Тем не менее, монахини и священнослужители трудятся во славу Божию. И это надо всячески поддерживать.

– Что вы скажете тем, кто мечтает о «Немецкой Православной Церкви», «Французской», «Английской» и так далее?

– Таких Церквей нет. Разумные люди на Западе и не стремятся к этому. Хотя есть, чего уж таить, и неразумные, которые хотят хоть бы завтра Православную Церковь в Германии, Англии и так далее. Подобное ничем положительным не кончается, не ведет ни к чему. Подобные вещи должны вырасти органически, естественно – их нельзя создавать механически. Вспомним, как Русская Церковь обрела свою самостоятельность.

В настоящий момент мы в Германии даже не имеем перевода литургии. Мы составили епископскую ассамблею, где приняли в прошлом году один текст, составленный комиссией по переводам. В эту комиссию входили представители всех приходов Германии. Но перевод получился неудачным и вызвал бурные дискуссии, которые выявили разногласия между разными православными приходами.

Единой «Немецкой Православной Церкви» не может быть уже потому, что на нашей территории пользуются разными календарями. Греки ввели свой католический календарь, мы придерживаемся православного. У нас есть свои святые, причем такие, которые были прославлены до разделения Церквей. Причем мы не начинаем с 1054 года. Разделение произошло намного раньше – фактически с момента введения Filioque. Поэтому мы не признаем святых, которые появились сразу после этого деяния.

Встреча архиепископа Берлинско-Германского и Великобританского Марка (Ардта) со студентами Сретенской духовной семинарии

Богослужение в Германии иногда совершается на немецком языке. При этом преимущественно мы используем все-таки церковнославянский язык. Но есть разные подходы к этому вопросу, в зависимости от способностей священника, от потребностей прихода. Во многих приходах читают Евангелие и Апостол, возглашают одну-две ектении на двух языках, а что-то – по-немецки. Есть приходы, где службы совершаются по большей части на немецком, но с некоторыми встав-

ками по-славянски. Где-то раз в месяц служат только по-немецки.

Есть приходы, где немецкий язык звучит по субботам, чтобы от храма не отпали люди, которые имеют возможность ходить туда только раз в неделю и не понимают церковнославянского языка. То есть мы поощряем самые разные подходы, потому что понимаем: мы должны рассчитывать на то, что через десять-пятнадцать лет те люди, которые сейчас наполняют наши храмы, а также их дети, уже не будут владеть русским языком в полной мере. Они зачастую не ценят русскую культуру и постепенно отрываются от своих корней.

Да, проблем немало.

Немецкий язык, которым мы вынуждены пользоваться, не имеет давней богослужебной традиции, а церковнославянский как раз и ценен тем, что был создан именно для литургии. И он имеет такие особенности, которые не присутствуют ни в одном живом языке. Помимо того, любой разговорный язык меняется очень быстро. Мы сами этого обычно и не замечаем, но если посмотреть какие-то книги, напечатанные сто лет назад, можно увидеть слова, для нас совершенно непонятные.

У меня был такой случай. Однажды послушник, голландец по национальности, читал по-немецки и вдруг принялся безудержно хохотать. Я, разумеется, прямо полетел на клирос: «Что происходит?» Я посмотрел, что он читал. В книге было вычеркнуто одно слово, он догадался, что там стояло, и поэтому стал хохотать.

Он прочитал: у пророков было телевидение. А имелось в виду, конечно, «дальновидение». В XIX веке это слово не имело еще технологического значения, и потому переводчики его употребляли. А теперь в богослужебных текстах этого делать нельзя – язык изменился.

Должен сказать и следующее: различное восприятие неко-

торых сторон церковной жизни существует и у Московского Патриархата, и у зарубежья. Мы, например, отказываемся от того, чтобы отпевать людей, которые были сожжены – кремированы, а в России это делается. Это в конечном итоге не помешает срастанию, но такие вещи, конечно, должны где-то обговариваться, мы должны найти общий знаменатель.

– Расскажите, пожалуйста, про религиозное телевидение в Германии и про то, как преподаются основы христианства в школе.

– Телевизионные передачи есть, но их мало. И они, как правило, культурологические. В них рассказывают о какой-то стране и немного говорят о религии. Чисто православные передачи появляются очень редко. В таком положении вещей виновата наша инертность. Мы могли бы иметь гораздо больше возможностей, если бы сумели воспользоваться ими целенаправленно. В этом направлении идет определенная работа, но она, конечно, будет охватывать очень небольшой процент населения.

С другой стороны, преподавание основ Православия нам в общем-то не нужно, у нас «Закон Божий» в школе. В трех-четырёх ландах (провинциях) Германии преподается православный закон Божий как обыкновенный школьный предмет, поскольку изучают там и основы Католичества, и основы Протестантизма. Наша Церковь добилась этого еще в пятидесятые годы. Но обычно мы все-таки собираем детей у себя при церкви, по субботам, и там преподаем закон Божий, но отметки ставим в табель. Эти уроки и оценки признаны министерством культуры.

Иногда к нам приходит проверяющий, чтобы посмотреть, как мы преподаем, как это происходит, дает какие-то советы и тому подобное.

– Влияет ли массовая миграция исламского населения в Германию на церковную жизнь?

– Сейчас нет массовой эмиграции. Но ситуация такова, что Берлин небезосновательно называют самым большим турецким городом после Анкары. Понятно, что это влияет на всю жизнь Германии. Что и говорить, если бывает так: идет священнослужитель в рясе по турецкому кварталу – и старушки плюются. А в Англии, как вы знаете, запретили над входом в церковь поместить мозаику с Богородицей. Потому что напротив живет какой-то мусульманин, и он добился такого решения. Это одна сторона. А с другой стороны, ежедневная жизнь исповедующих ислам является красноречивым упреком для нас. Потому что мусульмане, например, постятся строго, а наши верующие не очень любят говеть. Мусульмане неукоснительно придерживаются своих правил, и они добились того, что у них дети в определенные дни освобождены от школы, например.

Влияние мусульман в Германии, да и во всей Европе, возрастает: турки уже стали членами парламента, и, разумеется, они защищают свои интересы. Поэтому мы, христиане, должны быть всегда начеку, должны сами заботиться о своем будущем, не поддаваться на провокации, которые могут разгореться до религиозных конфликтов.

– С какими главными трудностями приходится сталкиваться Церкви сегодня?

– Я думаю, что одна из самых больших проблем, если не самая большая, заключается в значительном перерыве в традиции. Живой традиции, к сожалению, нет. Родители многих наших современников были либо неверующими, либо придерживались лишь обрядовой стороны религии. Поэтому очень чувствуется недостаток развития церковной, прицерковной культуры. Нет нормального развития, которое в России до семнадцатого года было естественно: ребенок рос в семье, где его сопровождали хотя бы внешние формы христианской жизни.

То, что такая традиция ушла, чувствуется очень сильно, в том числе и за границей. Потому что наши прихожане до

недавнего времени, во всяком случае до девяностых годов, были людьми, воспитанными на старых традициях, даже если они приехали на Запад уже в период Второй мировой войны. В них было видно церковное благочестие, они соблюдали посты, знали молитвы и тому подобное. Это все было для них естественно. А теперь это не так. Люди, которые сейчас приезжают на Запад, воспитывались, как правило, в нецерковных семьях, и они не знают православных традиций: как поститься, как разговляться, как молиться и так далее и так далее.

Эта проблема, конечно, влечет за собой целый ряд других проблем. Например, нам, архиереям, очень трудно теперь находить кандидатов на священство. Мужчины в возрасте до тридцати лет по большей части по два-три раза разведены и прочее, то есть возникают канонические препятствия для хиротонии.

Есть острая проблема, связанная с пониманием церковнославянского языка, просто потому, что люди не учат его. Несомненно, если бы мы осваивали его с детства, нам было бы намного легче. Поэтому в наших приходских школах церковнославянский язык преподается с первого класса. И хотя иные дети плохо говорят по-русски, они все же осваивают азы богослужебного языка. И они в состоянии понимать Евангелие, Апостол. Мы понимаем, что для ребят знание церковнославянского языка во многом является залогом того, что они потом будут полноценно участвовать в церковной жизни.

– Как сильно влияют мировые политические события на жизнь Церкви?

– Конечно, развитие человечества находит отражение в церковной жизни. Двадцать лет назад я не пользовался компьютером, а сейчас я на каждом шагу им пользуюсь. Естественно, общее развитие влияет на жизнь Церкви. Она, с одной стороны, становится более удобной, а с другой – мы берем на себя больше работы, чем раньше. И это нельзя

оценить однозначно.

Что касается внешних событий, то они тоже влияют на нашу жизнь, потому что в Европу вдруг приезжают люди из Казахстана, Киргизии, а мы о них почти ничего не знаем. А еще сейчас мы интенсивно общаемся с другими Поместными Православными Церквями, среди прочего и потому, что вообще путешествие стало более удобным и легким. В результате наши связи со всем православным миром углубляются и расширяются.

Думаю, это только на пользу церковной жизни. Мы видим, что происходит в других Поместных Церквях, можем применять то, что полезно, можем отвергать то, что нам кажется бесполезным.

В настоящее время мы включаем в наши службы особые молитвы, когда, например, бомбят Сербию, когда происходят землетрясения. Без сомнения, нас касается все, что касается всех православных христиан, так что мы всегда должны следить за всеми происходящими событиями, как внутренними, так и внешними, и как-то на них отзываться.

– Сейчас многие считают, что объединенная Европа является угрозой для христиан...

– Опасности пока я не вижу. Но отдельные моменты меня настораживают. Так, ЕС пытался вмешиваться во внутрицерковные дела Болгарии – стал поддерживать раскольников. Много сейчас зависит от позиции христиан. Если мы будем вести себя стойко и достойно, тогда с нами будут считаться, если нет, то мы потеряем почву под ногами.

– Насколько реальны опасения, связанные с навязыванием так называемых общечеловеческих гуманитарных ценностей для современного православного человека?

– Все зависит от того, как мы их воспринимаем. С право-

славной точки зрения, как меня учил преподобный Иустин (Попович), они, конечно, являются угрозой. Поскольку они воспринимаются по-человечески – то есть в ущерб Божественному. Это плохо, поскольку в данном случае у человека нет свободы выбора. Иными словами, нам с вами нужно занять правильную позицию, и тогда нам никто не сможет навязать чуждые ценности.

– Каковы, на ваш взгляд, задачи миссии в наше время?

– Я считаю, что миссионерствовать в наше время нужно, прежде всего, среди тех народов, которые причисляют себя к традиционно православным. Потому что во всех странах – в Советском Союзе, конечно, это проявилось особенно ярко – народы, как правило, далеко отошли от своих истоков. Скажем, в Греции изменили календарь и смягчили многие устои. Народ там просто отвык от Церкви, а самое страшное, что рабочие, которые были на заработках в Германии или в других европейских странах, заразились протестантизмом и принесли его дух в Грецию.

И произошел полный разлад церковной жизни. И потому, думаю, очень важное дело для нас – именно внутреннее миссионерство. Чтобы мы внутри своих Поместных Церквей предприняли максимум усилий для того, чтобы не потерять драгоценность, которую унаследовали от своих отцов.

Что касается внешнего миссионерства, то, скажем, у нас, в Германии, ведется пусть и не слишком интенсивная, но все же продуктивная деятельность среди инославных и даже иноверных. Мы крестим протестантов, католиков, иногда даже мусульман. В миссионерских целях у нас, в нашем мо-

настыре в Мюнхене, издается очень много литературы. Мы издаем богослужебные тексты на немецком языке, у нас есть все богослужения первой седмицы Великого поста и Страстной седмицы, то есть тех дней, когда в храмах молится особенно много людей. Наши книги регулярно заказывают католики, протестанты, и они ими явно просвещаются. Примут ли они Православие – это вопрос, но какая-то внутренняя работа у них в этом направлении идет.

И еще: я часто повторяю слова, которые мне сказал когда-то один священник в Сербии: «Наша ряса – это проповедь». Это миссионерство. Поэтому я совсем не признаю людей, священнослужителей, которые ходят в штатском. Наша ряса действительно является проповедью. Знаю по опыту, люди на улице часто останавливаются и говорят что-то вроде: «Спасибо, батюшка, что вы так ходите. Потому что наши ксендзы больше не ходят так». Или я прихожу в больницу, чтобы исповедовать и причастить кого-то, и соседка по палате обязательно обращается: «Батюшка, благословите меня тоже. Я хоть католичка, но я не вижу своего ксендза, а вас хотя бы видно».

Понимаете, какой эффект! Однажды я пришел, чтобы причастить одного человека, а вышло так, что к святым Христовым тайнам приступило четырнадцать человек! Просто медсестра меня увидела и говорит: «Батюшка, вы знаете, здесь лечится много православных». И я несколько часов провел в этой больнице.

Такое миссионерство можно назвать подспудным, естественным – в нем почти нет слов. Мы миссионерствуем просто нашим присутствием. Так же могут поступать и дети. Когда они учатся в школе, то не участвуют в общей школьной молитве, так как являются православными. Конечно, это привлекает внимание. Начинаются вопросы, и ребенок рассказывает одноклассникам о своей вере. Это естественное миссионерское поле очень широкое и очень плодотворное. Уверен, наше присутствие, наша ежедневная жизнь являются мощным миссионерским инструментом.

– Возможно ли мирянину жить сегодня строгой аскетической жизнью?

– Я убежден, все всегда возможно: если человек хочет, то он может жить аскетической жизнью. Но если он считает любое напряжение тяжелым, он просто будет подавлен любой попыткой аскетического подхода к жизни. Каноны и правила Церкви не были составлены для какого-то ограниченного отрезка времени. Они не имеют исторических пределов. А значит, в любых условиях можно найти уголок, в котором можно или подвизаться, или потерять все. Можно быть христианином, а можно и впасть в ересь, если не подходить к своему призванию сознательно и целенаправленно.

– Есть ли сейчас почва для возникновения новых ересей?

– К сожалению, ереси возникают на каждом шагу. Но если присмотреться, мы увидим, что каждая новая ересь возобновляет фактически только старые ереси, которые уже осуждены Вселенскими соборами. Видоизменена только форма – ничего нового под небом нет.

– Интересно, какое на Западе у православных отношение к телевизору во время поста, а у молодежи – к музыке, дискотекам?

– Я вообще телевизор не смотрю. Думаю, что во время поста нужно от него отказаться – и будет польза. Есть немало семей, которые совершенно сознательно не покупают телевизор, поскольку они уже поняли степень вреда, который он приносит.

Телевизор дает обилие информации, потом она бурлит в душе, отравляет сердце, развращает тело. И как молиться тогда?

У меня в доме, когда я был на своем первом приходе, жила старушка. Она была глухой, а потому звук ее телевизора был

очень громким. И вот начинается пост: один день – никакого звука нет, второй, третий... Я забеспокоился: жива ли старушка? Однажды я встретил ее на лестнице и спросил, не случилось ли чего? А она: «Пост же идет». Вот так!

Апостол Павел говорит, что все возможно, но не все полезно. Это касается и так называемой современной музыки, которая есть шум, а не музыка.

Расскажу вам такую поучительную историю. Молодой человек поступил два года назад в монастырь, был принят как послушник. И вдруг в начале этого года начал дергаться на богослужении – не может спокойно стоять и все. Наклоняется назад и вперед, во все стороны, совершенно изматывается, а я же вижу, что человек уже больной – абсолютно. А причины недуга не находится: мы его отправляли ко всем врачам – телесное здоровье в порядке. Но потом он признался, что увлекался рок-музыкой. И телодвижения, которые он сейчас делает невольно, когда-то он делал сознательно – страшные, изматывающие движения. Он не мог от них освободиться даже после соборования. Человек уже плененный, он во власти бесовщины...

– Что делать человеку, у которого нет духовника?

– Ответ прост – поискать его! Можно многому научиться по книгам, но это будет книжное и абстрактное знание. Оно никогда не станет жизненным. Можно почитать, а потом посоветоваться с кем-то, но не жить по книгам. Поэтому духовника надо искать обязательно.

– Какие духовные книги вы рекомендовали бы прочитать семинаристам?

– В чтении духовной литературы есть определенная последовательность, которой желательно придерживаться. И здесь нужно сказать: в том, что в начале постсоветского периода православной литературы издавали очень много, был

большой недостаток. Люди читали все подряд и очень часто читали не то, что надо. Поэтому скажу, что можно, например, начать с аввы Дорофея, с преподобного Макария Египетского, с Оптинских старцев... Но чтобы человек не забрел в опасные дебри, чтением должен руководить духовник. Нужно определять последовательность книг, выбирать только те, которые духовное чадо поймет.

Я всегда советую сначала читать две книги параллельно: одну – из древних отцов, а другую – из более современных подвижников. Потом люди приходят ко мне раз в неделю, и мы обсуждаем прочитанное. Читать советую с карандашом, отмечать, что непонятно, что кажется странным, что вызывает вопросы. И мы вместе осознаем, что и как человек воспринимает при чтении. Это очень важно.

– Какова практика причащения в ваших приходах? Как часто следует причащаться?

– В зависимости от того, как живет человек. Мирянину я советую причащаться три раза в месяц, если он регулярно бывает на службах. Но не может быть никакого «шаблона» – все зависит от индивидуальной подготовленности и благословения духовника. К вопросу причащения нужно подходить внимательно, осторожно, необходимо смотреть, в каком состоянии находится человек.

У меня, например, за много лет сложилась такая практика. Есть люди, которые регулярно бывают в храме, особенно на Страстной седмице. Они молятся в храме каждый день от Входа Господня до самой Пасхи. Поэтому я им советую, чтобы они исповедались за день-два до Входа Господня.

И потом причащались каждый день без исповеди, если только ничего особого не стрясется. То есть мы должны помнить, что исповедь и причастие не обязательно между собой связаны – это два разных таинства. И поэтому мы можем их отделить, а соединяем мы их только по дисциплинарным причинам.

Когда я был только рукоположен в священники и еще говорил по-гречески, ко мне часто приходили греки, так как там не было греческого священника, который имел право исповедовать. Я, естественно, задавал вопрос: «Когда вы последний раз исповедовались?» И слышал страшный ответ: «Двадцать-двадцать пять лет назад». Все мы помним, что в молитве перед исповедью говорится о том, что человек соединяется с Церковью. То есть человек, который продолжительное время не исповедовался, уже не в Церкви. И поэтому необходимо следить за тем, чтобы человек регулярно приступал к исповеди. Но повторяю: я считаю возможным допускать более частые причащения, чем исповедания.

Но может быть и наоборот: я иногда налагаю епитимью за какой-то грех и говорю, что человек должен каждую неделю исповедоваться, но причаститься он может только через полгода.

– А какие вы даете епитимии?

– Здесь все зависит от греха и от грешника. Каждый грех, конечно, заслуживает епитимьи, но не каждый грешник одинаково может понести ее. И здесь снова нужно проявлять осторожность и предусмотрительность.

Вспоминаю сейчас такую историю. На моем первом приходе были две невенчаные женщины. Но одна попала в эту ситуацию по обману: ее муж сказал, что разведен, но это оказалось неправдой. А другая женщина жила в небрачном сожительстве, вступив в него совершенно сознательно.

И одной я разрешал раз в году причащаться, чтобы она не отпала от Церкви, а другой, которая поневоле попала в сложную ситуацию, – три раза. Повторю еще раз: здесь не может быть общих правил, общепризнанных или общепринятых.

Епитимии всегда должны исходить из конкретной ситуации, в которой находится человек, от той духовной зрелости, ко-

торой он достиг или не достиг и которая позволяет понять, может ли он нести ту или иную епитимию. Я в таких случаях призываю людей почаще исповедоваться. Обычно, когда человек на несколько месяцев отлучен от причастия, я назначаю исповедь через две или три недели, поскольку для меня важно, чтобы он осознал, что происходит. Чтобы это не было для него веригами, тюрьмой, строгим наказанием. Не должно быть такого в Церкви. Епитимия – это не наказание, это мера для исправления. И поэтому так важно, чтобы человек сам понимал тяжесть греха и стремился к тому, чтобы освободиться от него. Чтобы он осознавал, как и почему с ним так поступают, чтобы он это принял и научился каяться сердцем. Только тогда возможно какое-то исправление, иначе он будет продолжать жить во грехе.

– Хотелось бы узнать ваше мнение по поводу православно-католического диалога.

– Здесь идет какой-то диалог, насколько я могу судить. Я, может быть, недостаточно нейтрален, но скажу так: из католиков никогда не вытравить папизм.

Скажу несколько слов о нынешнем понтифике. Он человек очень чувствительный, очень тактичный, и, когда он в Мюнхене был кардиналом, его очень полюбили. Меня радует в его деятельности то, что он откровенно говорит, даже если православным и протестантам это не всегда приятно. Мне эта честность мила. Здесь папа не увिलивает от истины и не старается как-то приспособливаться к своему собеседнику. А об остальном говорить можно сколько угодно, но будет ли какая от этого польза?..

Вот, например, католики хотят вместе молиться. Я говорю: «Давайте перед тем, как вместе молиться, сперва просвещать друг друга». Когда приходят ко мне студенты-католики и утверждают, что они в университете слышали, что в Православной Церкви есть женское диаконство, мне хочется пожелать им уйти из этого университета. Они или ничего не поняли, или им не то рассказали. В вопросе отно-

шений между католиками и православными ощущается огромный недостаток информации. И этот дефицит ощущается гораздо больше именно с католической стороны, а не с нашей.

Эти лакуны можно восполнять. Но для настоящего сближения я не вижу перспектив. У меня в течение жизни было много контактов как с католиками, так и с протестантами. К позитивным результатам подобное общение приводит в крайне редких случаях, и то, скорее, у протестантов, чем у католиков. Первые понимают, что у них ничего нет, что у них нет вообще церковной основы. Между тем как католики думают, что у них очень многое сохранилось. А на самом деле это выветрилось давно.

– Как в вашем монастыре братия строит общение со своими родственниками?

– Его действительно нужно строить. Но так, чтобы свести к абсолютному минимуму. Потому что иначе человек всегда своими мыслями и чувствами будет находиться в миру и никогда не станет настоящим монахом. Хотя есть, конечно, и исключения. Я разрешал монахине побыть у своей матери, которая нуждалась в уходе. Когда я уходил из университета, оставлял свою преподавательскую деятельность, многие мои студенты хотели посещать меня чуть не каждый месяц. Я им сказал: «Ни в коем случае! Не позволяю! Дайте мне хотя бы десять лет, а потом найдем друг друга». В общем, я считаю, что с родственниками и друзьями монаху надо быть очень осторожным.

– И еще несколько частных вопросов. Можно ли православному верующему ходить в католический храм слушать орган?

– Если кто-то очень любит музыку, пусть ходит. Но все же орган – чрезвычайно чувственный инструмент. Он волнует чувства, что, понятно, не всегда полезно христианину.

– Возможен ли новый Вселенский Собор?

– Не думаю, что такое будет в обозримом будущем. Во-первых, надо сказать, что Вселенский Собор вообще никогда не созывается, а созывается просто Собор. И он впоследствии может быть признан Вселенским. На каких основаниях? Во-первых, если в нем участвуют представители всех Поместных Церквей. Во-вторых, если все православные христиане примут все его решения. Нужно об этом помнить.

– Для чего, по-вашему, нужен Высший церковный совет?

– Такой совет существовал. Он был образован в 1917–1918 годах на Поместном Соборе. Высший церковный совет – это высшая инстанция, которая действует между Соборами. Соборы, даже если они бывают ежегодно, не могут охватить все проблемы актуальной церковной жизни. И поэтому такой орган может действовать более радикально, более быстро реагировать на какие-то вопросы.

– Как отдыхают архиереи? Бывает ли у них отпуск?

– Я отдыхаю ночью, и отпуск у меня тоже ночью. Вот и все. Никуда и никогда не ездил отдыхать. Отвлекаюсь от епархиальных дел только тогда, когда бываю на Святой Земле, потому что... выключаю телефон.

– Почему молодые люди из Германии, желающие получить духовное образование, приезжают в Россию, а не в другие европейские страны?

– До 1990 года мы посылали таких ребят в основном в Америку, в Джорданвилль – там была единственная наша зарубежная семинария. Но есть и другие школы, где можно получить богословское образование. В мюнхенском университете недавно открыт факультет православного богословия, где учатся наши молодые люди. Не скрою, нам было очень сложно переориентироваться в то время, когда открылись

все границы и пала советская власть, которая представлялась нам если не вечной, то во всяком случае долговечной. Теперь мы посылаем кандидатов в разные учебные заведения в России и на Украине, в Америку. Немаловажен здесь финансовый вопрос.

Но главная наша задача заключается в том, чтобы будущие священнослужители познакомились со здешними, русскими обычаями, порядками, устоями – этому не научишься в Америке. Верующие, которые теперь наполняют зарубежные храмы, – это в основном мигранты из бывшего Советского Союза. Русские немцы из Казахстана, дети от смешанных браков... Именно поэтому тем, кому предстоит служить на Западе, так важно учиться в России. Наши священнослужители сталкиваются с проблемами, о которых мы раньше и не подозревали. К примеру, до девяностых годов ни один священник моей епархии никогда не посещал тюрьму, поскольку русские люди туда не попадали, а теперь почти в каждой из них можно открыть православный приход.

– Обязательно ли принимать решение о женитьбе или монашестве во время обучения в семинарии?

– Совсем не обязательно. Конечно, желательно, чтобы человек отдавал себе отчет, куда он стремится. Монашество не может быть механическим выходом из положения, когда человек не может найти будущую жену.

Монашество может быть построено только на том, что человек желает, горячо желает служить исключительно Богу. И еще: важно, чтобы человек во время учебы уже где-то проверял себя. Без этого невозможно принять ни одного решения.

Нужно крепко задуматься: «Способен ли я духовно на тяготы семейной жизни или на тяготы монашеского делания?» И то и другое трудно. И то и другое требует, прежде всего, самоотречения. Без этого ничего не сделаешь. Пока ты будешь жить эгоистом, правильного решения тебе не принять.

Поэтому и надо постоянно проверять себя и смотреть, на что ты способен, к чему ты расположен. И только осознав все сполна, делать выбор – очень важный выбор. С того момента, как я решил принять монашество, и до пострига прошло восемь лет, которые я употребил для того, чтобы постепенно приближаться к этому. Повторяю: к выбору нужно относиться осторожно.

– А что делать, если выбор молодого человека не благословляют его родители?

– Это, без преувеличения, бомба. Когда мне было 33 года и я был преподавателем в университете, я принял решение о монашеском поприще. Мои родители были в ужасе! Да, наши родственники не всегда сочувствуют всем нашим желаниям: ни монашеству, ни женитьбе, ни принятию сана. Но каждый человек должен принимать самостоятельные решения, с любовью относясь к родителям, понимая их и сочувствуя их вопросам и проблемам. Необходимо объяснить им, почему ты хочешь идти именно этим путем, что ты находишь в нем светлого. Должен сказать, что в большинстве случаев через некоторое время родители, близкие, друзья обычно понимают, что принятое их сыном, другом решение правильно. Он сделал верный выбор, и его нужно поддерживать.

– Какими вы видите выпускников семинарии?

– Я хочу, чтобы у семинаристов за плечами осталось не только образование, но и воспитание. Чтобы человек умел себя вести не только в Церкви, в храме, но и в любом общественном месте, в любом социуме. Сейчас зачастую мы видим ужасающие картины, когда молодые люди просто не знают, что такое такт, общепринятые правила поведения. А между тем это очень важно. И только тогда, когда человек научится всему этому, он может быть пастырем.

Будущий священнослужитель должен научиться вникать в проблемы людей, сочувствовать им, должен быть внима-

тельным к их нуждам и словам – иначе он будет требоисполнитель, но не пастырь. И еще нужно помнить, что каждая епархия имеет свои разнообразные особенности, и поэтому надо быть готовым к встрече с ними, к интеграции в новое общежитие. Это далеко не всегда легко и требует внимательности и чуткости – к самому себе и к другим.

4 апреля 2011 года